

18+

НИКОЛАЙ САМАРСКИЙ

Жертва дьявола

Николай Самарский

Жертва дьявола

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63697008

ISBN 9785005305404

Аннотация

Бог? В чем смысл жизни? Главный герой рассказа «Жертвы» наверняка задавался этим вопросом не раз. А задаешься ли этим вопросом ты, дорогой читатель?

Содержание

Жертва дьявола	5
Запись первая	5
Запись вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Жертва дьявола

Николай Самарский

© Николай Самарский, 2024

ISBN 978-5-0053-0540-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жертва дьявола

Запись первая

Мне приснился кошмар. Хорошо, что понял это вовремя и успокоился, ведь когда проснулся, сердце едва не пробивало мне грудь, хотелось спрыгнуть с кровати и бежать не оборачиваясь. За мной по лесу кто-то гнался. Облика так и не запомнил, хотя оглядывался во сне. Ощущение первобытного страха, как липкая грязь, пристало к груди, и не давало спокойно дышать в келье.

Я убегал от чудищ по знакомым тропам. В том лесу наяву бываю часто из-за церковной службы. Странность в том, что сколько бы там не гулял или просто не шел из церкви через лес в деревню, никто на меня не нападал. Самый грозный и страшный, кто встречался мне – дикий кабан. Стоило показаться на тропинке, животное окинуло меня безразличным взглядом, затем повернулось хвостом и продолжило щипать кусты брусники.

Переехал месяц назад. Деревня хорошая, каждое воскресенье люди заходят в церковь. Некоторые хотят поговорить и среди них я нашел друзей. Никто из жителей, правда, еще не решился на исповедь, но, думаю, им нужно время, чтобы ко мне привыкнуть. Тогда они смогут доверять.

Прихожане что-нибудь приносят с собой съестное, благослови их господь, ведь с едой в церкви трудно. На заднем дворе растет яблоня, и вырыт колодец со свежей, чистой и прохладной водой. Пока это все наше богатство.

...

Тем временем утро перешло в день, отобедал хлебом и водой, помолился и вздремнул, а пока спал, снова приснилось. Шел по опушке и увидел в искореженном пне книгу. Она сначала не поддавалась, но, раскачав в стороны, вытащил ее, вцепившись в обложку. Мягкий, и приятный на ощупь фолиант весил внушительно. На первом развороте я не отыскал слов, вплоть до последней, страницы оказались чистыми. Интересно, что значил этот сон?

Сегодня пойду в деревню, т.к. у нас кончился хлеб и... Хотя я и религиозный человек, но и суеверный, верю в сверхъестественное, потому что жизнь подчинена законам, порой неведомым для понимания и есть люди-проводники, они могут объяснить, что происходит за гранью. Они – отшельники. В селении есть такой человек, который сможет растолковать то, что виделось мне сегодня ночью и днем. Я найду старушку-ведунью и расскажу о моем сне. Интересно, что она скажет. Вдруг даст совет, ведь поговорить об этом мне не с кем. Я всегда радуюсь, когда встречаю ее. Она веселая на вид, даже чудаковатая, держится от деревни в стороне, а деревня от нее, как и от меня, получается, впрочем. Когда увидела меня в первый раз старушка, у нее подслепо-

ватые глаза, взяла за руку и, похоже, что-то увидела в этот момент и сказала, у меня нелегкая судьба впереди, ждут потрясения, но я их переживу. Еще она говорила очень сочувственно о том, что у меня тяжелое прошлое, которое я не захочу вспоминать. Так и есть...

Нечасто захожу в деревню, потому как замечаю на себе косяе взгляды, а возле некоторых домов слышу за спиной болезненный шепот, что-то вроде «Да, это он! Этот новый священник, сгинуть бы ему!». Я уже встречал тех, кто не верит в Бога, и это их право, ни в чем их не виню. Напротив, эти люди заслуживают сочувствия, ведь им не на что опереться, для них не бывает чудес, также как и не существует рая после смерти. Так я говорю себе в сложные минуты, когда меня попрекают что я священник, ведь для грешников целомудренный человек все равно что бельмо на глазу. Я посвятил жизнь Богу. Их насмешливые лица, смешались в одну большую и злобную гримасу. А что касается тех, кто ненавидит меня в деревне, то я рассудил, что стоит запомнить этих людей, ведь однажды, надеюсь, они передумают, и я увижу их в церкви. Но не для того, чтобы они помолились и приняли веру, нет. Я не склоняю никого к религии. Я, надеюсь, они придут, чтобы извиниться. Ведь они действительно считают, что я душевнобольной и зовут к себе детей, когда прохожу мимо. Люди должны знать, что признание ошибок сделает их жизнь лучше, они освободятся от закостенелости и низменности нынешних суждений и прозреют, потому что каж-

дый вправе жить как он пожелает в пределах нравственности и законов Божьих.

Сегодня пятница, и, наверное, заночую на опушке. Нужно убедиться в том, что такого зла, которое мне приснилось, не существует ни в этом лесу, ни в каком-либо другом месте. Пора выходить в деревню.

...

Мне дали хлеба и воды, а также яблок и черешни. Воду я понес в банке, все остальное аккуратно завернул в простынку и бросил на плечо. Успел зайти и к Агафье. Я стучал к ней в ворота и выглядывал через калитку, благо позволял мой рост. Не открыли, в окнах не горел свет, тишь стояла во дворе. Видимо, она спала, или ушла куда. Я вернулся в лес и сейчас на опушке, прибился к удобному стволу...

Я люблю гулять, особенно ночью, привычка с города осталась, но только когда нет службы на следующий день. Сегодня как раз так. Здесь в лесу хорошо, дышится свободнее, впервые за долгое время... Уже вечереет, а я все сижу на траве у дуба и куда-то идти ну совсем не хочется. Пожалуй, останусь у дерева и допишу еще пару строк, пока время позволяет.

Последний месяц дается легче. Наконец-то в душе не так плохо, с тех пор как... в моей жизни стали происходить несчастья. Я молил Господа дать мне ответ, за что? Ведь я твой верный слуга. Почему так жесток ко мне? Моя дочь погибла. Это произошло в городе, к востоку от деревни. С тех

пор я думаю об этом каждый день и гадаю, от чего это произошло со мной? Бог? Почему ты забрал последнее, что у меня оставалось? Я не нуждался в деньгах, признании или успехе, или в любых других благах. Я дорожил только женой и дочерью, и ты отнял мои богатства, забрав обоих. Когда моя супруга рожала, ты не дал ей выжить при родах, я забрал дочь в церковь и хотел вырастить из нее монахиню. Жизнь превратилась в сущий кошмар после смерти жены. Меня больше не радовал ни свет утреннего солнца, ни огненный закат. Я лишь холил и лелеял дочку в боязни, что с ней когда-нибудь что-то произойдет.

Она росла послушной, с любимыми мне бирюзовыми глазами. Ей исполнилось три года, с тех пор как супруга, держа мою ладонь в келье, закрыла глаза в последний раз. В ту ночь, в день рождения дочери, мне приснилось, что могила жены осквернена, кто-то разломал изгородь и выкопал гроб... Ведь ее похоронили в лесу, как она и хотела всю жизнь. Она твердила: Нестор! Когда похоронят меня, помни, что я тебя любила и хочу, чтобы тебя похоронили по соседству. Я исполнил ее волю, но когда мне приснился тот сон... Я сначала подумал, что это взаправду и поехал ночью к ней... Когда приехал и увидел, что крест на месте, все присыпано землей и невысокая плетеная ограда на месте, то перекрестился и с благодарностью взглянул на звезды и нежную Луну. Ехал к церкви, и на горизонте видел пламя. Горела моя церковь... Сквозь разбитый витраж языки огня лиза-

ли черное небо и плавил ветхие стены. Пламя не пускало меня внутрь. Я рвал волосы, бегал вокруг храма, надеясь, что моя дочь все-таки снаружи. Но нет... Как мне потом сказали – это поджег. Зачинщика не нашли. Закопал ее обугленную, чудом уцелевшую игрушку, которую она всегда держала в руках, маленькую деревянную лошадь, рядом с ее матерью и уехал. Бог хотел, чтобы я остался жить.

Прошел сентябрь. Собрал все свои гроши и ушел. Жизнь в городе после тех событий отравляла, кошмары снились каждый день и молитвы не помогали. Я шел сколько оставалось сил, пока однажды ранним утром не очутился в глухом лесу. Нашел деревню, спросил у местных есть ли тут церковь. Оказалось, есть скромный приход, где меня и приняли батюшкой. Теперь живу здесь. Помню свой первый день. На прошлой неделе, когда только зашел в главный зал, одна из монахинь, женщина средних лет, посмотрела на меня, как мне показалось, тревожно и сказала, чтобы я смотрел в оба. Что вы имеете в виду? Церковные воры? Вандалы? Нет, ответила монахиня Анна. Прошлый священник утонул в реке. А почему? Что с ним случилось? Мужчины из деревни сказали, что он просто утонул, не удержался и полетел через перила с моста.

Господь, ну почему? Почему ты это позволил? Ведь мы твои верные слуги! Ты выбрал мученика, чтобы испытать через страдания, и этим закалить веру в тебя? Небесный Отец, ты меня любишь? Хочешь, чтобы я любил тебя сильнее?

Считаешь, что я тебя недостаточно люблю?

Монахиня показала храм и небольшую келью у самой крыши, где я теперь и живу. Небольшую кровать приставили к маленькому окну, в котором видно лес, а рядом с окном стоял деревянный стол. На том столе лежала пустая тетрадь, в нее я сейчас пишу. Никогда не вел дневника. Говорить мне все равно не с кем, да и незачем. Я где-то слышал, что, когда записываешь что-нибудь, то чувства, что терзают тебя – слабеют. Надеюсь, это сработает.

Анна рассказала, что пропитание церкви идет от деревни, верующие не перевелись, они дарят еду, иногда можно ходить за ней самому в деревню, если с собой не принесли или не пришли. Раньше это делал Вадим, прошлый священник... Сейчас Анна и другие монашки, всего их три в приходе, делают это сами, деревенские отдали церкви небольшую телегу, в которую грузят мешки с картофелем и овощами. Анна живет в церкви, как и я, другая живет в деревне, а еще одна, Настасья, живет в хижине в лесу.

Последние слова я чуть смазал, потому что уснул под щебетание соловьев, они гнездились над головой под самой верхушкой тополя.

Проснулся на опушке от того, что кто-то ткнул меня в плечо. Раскрыл глаза и увидел рыжеусого Федора, мужчину из деревни. Он ходит в церковь.

Нестор, сказал он мне, помоги, моя дочь пропала. Я тут же вскочил и сказал, где? Где ты в последний раз ее видел?

Утром, сказал он. Они вместе чинили крышу до обеда, потом соседские дети позвали ее играть. Он сказал ей вернуться к полудню. Сейчас 4 часа дня, говорил он. Дети вернулись без моей дочки. Ушел ее искать и нашел тебя, Нестор.

Тогда идем, ответил ему. Мы блуждали по лесу до вечера. Федор корил себя, а я молчал.

Помню, стемнело, и неожиданно вышли к деревне, хотя думали, что далеко в лесу. Это Бог указал нам путь.

За полем начинались первые дома, у них мужчины наваливали сено. Вдруг у стога мы увидели девочку, и Федор подбежал к ней. Она плакала, и просила у нас прощения. За что, дочка? Ведь ты нашлась! И это главное. Я в молчании наблюдал как они обнимаются. Они сказали, что ты меня потерял и ушел в лес, говорила Прасковья и растирала заплаканные глаза. Самое главное, что я тебя нашел! И они вновь обнялись. Когда повечерело, выяснилось, что несколько мужчин, которые ушли вслед за Федором искать его дочь так и не вернулись. В этой деревне напасть следовала за напастью.

Странно. Теперь Федор снова хотел броситься на поиски, но я остановил его и сказал подождать до завтра, потому что скоро ночь и лучше пойти в лес утром. Он кивнул, дернул усами и взяв дочь за руку, ушел.

А я собрал мешки с картошкой и погрузил их в двухколесную телегу, которая скрипела, а одно колесо ходило в стороны, и у последнего дома встретил Агафью. Старушка шурилась и смотрела на меня, видимо не узнавала. Я оставил те-

легу и подошел к ней. Она тут же воскликнула и зашпешила в мою сторону хромая и опираясь на костыль.

Нестор, случилась беда, мой внук пошел в лес искать дочку Феди и не вернулся! Вот напасть то, сказал я, слышал об этом! Что делать, теперь не знаю, сказала Агафья. Останься в деревне, Нестор! Умоляю!

Я не мог оставить человека в беде и докатил телегу к ее дому. После решил заночевать у нее во дворе, а на утро пойти с Федором искать тех мужчин.

Луна выкатилась в небо. Ее бледный свет освещал крыльцо, на котором сидел и слушал Агафью. Старушка качалась в кресле, а я записывал в этот дневник.

По началу ее голос дрожал, она говорила о внуке, о том, что он еще совсем юн и рано пошел с мужиками в лес, но потом разговорилась и рассказала о священнике, который работал до меня в церкви.

Я уточнил, который утонул в реке? Да, ответила Агафья, его похоронили на заднем дворе вашего прихода. Я знаю, он любил, продолжала она, я сразу вижу взгляд человека, который любит. Он не говорил мне ничего об этом, но я знаю. Он любил одну девушку из нашей деревни и так и не успел ей признаться. Нравился он мне, как человек, вы в чем-то с ним похожи, Нестор. Я кивал ей и пил горячий Иван-чай, он обжигал ладони и приходилось ставить кружку на деревянные ступени. Добрая Агафья собирала чай в лесу и угостила им меня на ночь.

Старушка сказала и о моем сне, что я несую важную миссию, и пустые страницы означают то, что будущее открыто, и впереди меня ждет ответственность и опасность, но я стойкий, говорила она, и все мне по плечу. Я кивнул и выпил чай до дна.

Случилось, что, когда мы замолчали, мягкий звон цикад с бормотанием сов умиротворили меня. Помню как легкая прохлада обдувала лицо, я сжал крест, он висел на груди поверх рясы, и взглянул в звездное небо, где золотом Луна подсвечивала кустистые облака.

Господь с тобой, Нестор, говорила Агафья. Я вижу, он смотрит на тебя. Молись! От всей души молись! Он присматривает за тобой! Не разочаруй его!

Я радовался ее словам, ощущая как глаза наполняются слезами.

Бог! Если ты со мной, услышь меня! Пусть на небесах у моих двоих мучениц все будет хорошо, а завтрашний день принесет мне только счастье! Аминь.

Запись вторая

Полдень. Свободный момент выдался только сейчас, опишу то странное, что произошло сегодняшней ночью. Когда мы допили чай, Агафья собрала блюда и ушла в дом, я же прилег на сено во дворе, и так уж получилось, уснул под ее окном.

Не знаю, сколько проспал, но спал точно, пока меня не разбудил пронзительный каркающий кашель.

Я прислушался, хрип доносился из окна ее дома.

Агафья бубнила под нос зловещим голосом. Надеюсь, лихорадка, которая с ней случилась, больше не повторится, иначе ее сердце по старости не выдержит. Пугало то, как она мычит, стенает и заговаривает в бреду, проклиная все на свете, словно это ее последний день в жизни. Так может вести себя только переполненный злобой человек. Вдруг это как-то связано с моим сном? Старушка рыдала и ее голос разносился в темноте по всему двору, говорила, что видит, как полыхает весь наш лес и деревня в которой мы живем, и этот огонь священный, очищающий мир от еретиков, прислужников лукавого, а блудницы полыхают заживо, их кости ломит жар, а кожа, словно расплавленный воск, капает на измученную землю, они в муках умирают, и перерождаются в раю в благостном трепете. Я бросился к колодцу, набрал ведро и ворвался в ее дом. Сделал ей холодный ком-

пресс на лицо платком, жар ее кожи пробивался через мокрую ткань. Взглянул на окно, небо только-только посерело в преддверии раннего утра.

Она не открывала глаз, я говорил с ней и держал за слабую руку. Вдруг почувствовал запах паленого мяса.

Что с вами, Агафья? При огне свечи, раскрыв веселые глаза, с улыбкой она промолвила, что внук приходил к ней. Он рассказал, что девочку не нашли, но внезапно из кустов, с истеричным визгом, лохматый и полностью черный кабан бросился на них и загнал на дерево. Но на этом дело не кончилось. Не догнав их и взбесившись, кабан стал таранить ствол, на который они забрались. К их страху, животное застряло бивнем в коре, заревело и с гнусным сопением пятилось из ловушки, разбрасывая копытами землю. Их так шатало, что они перекрестились и готовились упасть вместе с деревом, но раздался страшный треск. От сокрушительных таранных ударов кабан разmozжил себе голову и умер под деревом. Они спустились и проверили, что хряк действительно мертв и притащили его тушу в деревню далеко за полночь.

Он сказал Агафье, что сейчас в деревне праздник, веселье, не смотря на ночь, на большом костре жарят кабана. Пойдем, Агафья! Звал он бабку.

Нестор! Я никогда таким его не видела. Он пришел ко мне с жирным куском мяса, завернутым в тряпку. Я отказалась, настолько тошнотворный запах гостинца, который он принес. Почти что тухлый! Им провонял весь дом! Я поморщил-

ся и теперь понял, откуда эта вонь. Ее внук насупился и попросил воды, она дала ему стакан. Он выпил, и сказал, что вернется на костер, его разожгли где-то в лесу и водит хоровод уже вся деревня, осталась только она, дура. Пойдем на праздник, бабка. Старушка отказалась и простилась с внуком. Тот разгневанный ушел. Она допила воды из его кружки и легла. Уснула. Лихорадила. И вот я с ней. Я оставил на ее лбу еще один водяной компресс, долил в стакан воды и ушел спать во двор.

...

Утром обходил деревню. Так никого и не встретил. Между домов витал смрад тошнотворного мяса и вдалеке, на стороне леса, я увидел над деревьями черный дымок от кострища. Пока блуждал мимо домов, наблюдал грязные хлева и курятники с наполовину ошипанными курами. Меня облаивали собаки тех хозяев, которые не верили в Бога. Наблюдая пустые улочки, я вернулся к Агафье во двор. Заглянул к ней в окно с улицы и надеялся, что увижу ее здоровой, но видел ее спящей и не заходил. А ведь в церкви наверняка уже заждались меня с телегой.

...

Солнце уже в зените, а я облокотился подмышкой на колодец в старушкином дворе и вывожу эти строки. До чего жарко в конце сентября, от утомления или от нагрева в голове тяжелело, перед глазами бегали черные круги, они напоминали беснующихся чертиков. Агафья по-прежнему спит,

в деревне тихо, радовало, что петухи кричали на рассвете. У старушки по-прежнему горячий и влажный лоб, я ходил к ней менять компресс. Ее внук не возвращался, и уже думал, что история с его ночным приходом и мясом померещилась старушке. Сiju до сих пор во дворе и думаю, что делать? Сыщу Федора и посоветуюсь. Заодно проведаю его дочку. Телегу с морковью и картофелем оставлю у дома Агафьи.

...

Федора дома не оказалось, как и его дочери. Вернулся к дому Агафьи, та по-прежнему спала, повез телегу в церковь. Не успел обернуться, как возле калитки меня встретил ее внук. На вид ему где-то восемнадцать. С надменным видом молча прошел мимо и зашел в дом. Я подождал у калитки. Он все не выходил. Я решил оставить телегу и вернуться в дом. Внук сидел возле бабки и держал ее руку. Он поднял на меня свои холодные глаза, волосы темной редкой челки почти скрывали его лоб. Мне становилось нехорошо от его взгляда. Чего надобно, спросил он. Зашел проведавать старушку, ей плохо с ночи, сказал я. Он нахмурился и сказал, чтобы я ступал, бабушке станет лучше.

Сейчас я в церкви и готовлюсь к вечерней молитве, пишу на полу на коленях у одной из церковных скамеек. Монахиня Анна, с румянцем на щеках, шептала у алтаря с закрытыми глазами священные четверостишья и крестилась. Пахло ладаном. Сегодня ее душа, как и моя, спокойна, ведь в церкви

наконец-то есть пища. Она помогала разгружать телегу.

Когда шел от старушкиного дома, в деревне мне так никто и не встретился, и это странно. Куда могли деться ВСЕ жители этой деревни? Обычно возле домов люди чем-то занимались, или просто разговаривали друг с другом, а сегодня, после этой странной ночи, как-то разом все умерло.

Завтра воскресенье, моя вторая служба в этой церкви и, надеюсь, мои опасения не оправдаются. Люди придут к нам. С деревней все хорошо, просто все жители спят до обеда, ведь праздновали всю ночь. Господи, хоть бы так оно и было, спаси наши души. Дописываю эти строки и вернусь к дневнику вечером.

...

Сейчас ночь. Мы вчетвером собрались за столом вечером, зажгли свечи. Анна и Елена принесли из деревни свежего ржаного хлеба, пенного молока и яблочное варенье. Я и три кротких ангела закрыли глаза, сложили руки за столом и безмолвную молитвой благодарили Господа. Мое сердце переполняет трепет в такие моменты единения. Вдруг Настасья рассказала, что сегодня ночью она проснулась от жалобного крика, но побоялась выйти из своей лесной хижины и дождалась утра.

Она рассказала нам, что нашла в лесу что-то ужасное. При ее рассказе Анна, взрослая женщина, зашлась слезами. Я потечески прижал Анну к плечу, Настасья и Елена бодрили ее и успокаивали.

Дальше Настасья рассказала нам, что же она увидела. На опушке леса нашла растерзанного оленя. То, как его растерзали, не походило на охоту волка или медведя. Его обглоданные ребра изогнули и вырвали специально, как человеческими руками. Кожу с его морды содрали, рога обломали. Господи! Пощади души тех, кто это сделал!

После никто из монашек не обмолвилась, и мы отужинали в молчании. Предложил всем остаться в церкви на ночь, но монахини отказались и ушли. В одиночестве дописываю эти строки и иду спать. Утром, после службы, я найду ту опушку и захороню оленя.

Утро. Ни один деревенский житель так не пришел на молитву.

Ушел на опушку и нашел место, про которое говорила Настасья, но олень исчез. Я понял, что он здесь лежал, ведь на его месте трава пропиталась кровью, и на безобразном багровом пятне осталось маленькое, с пушком, копыто. Где же Настасья?

Вдохнул серый холодный воздух. Хрустнула ветка, в глубине леса точно за мной кто-то наблюдал.

Нашел ее ветхую избушку, недалеко от опушки. Никого дома нет, ведь я стучал в окна и двери. Должно быть, Настасья ушла в церковь. Или в деревню?

Я пошел в деревню. В лесу что-то изменилось, чувствовал это. За мной наблюдал чей-то злобный взгляд, как в моем кошмаре, что приснился вчера. На подходе к первым де-

ревенским лачугам увидел людей. Каждый занимался своим делом. Я прошел мимо семьи, которые боялись меня. Они смотрели на меня без эмоций, сонные, словно в трансе. Неужели не узнали? Что с этой деревней не так?!

Пришел к дому Агафьи. Ведь она же должна меня узнать! Калитка открыта. Захожу. Старушка выжила из ума. Она ходила по двору голая, с сигаретой в руках. Я посторонился и хотел броситься к дому Федора, но у калитки наткнулся на внука Агафьи. Святой отец, куда вы? Не спешите, заходите к нам на чай! И хлопнул меня по плечу. Простите, сказал я, и как мог, сохраняя невозмутимость на лице, обошел его.

Федор колот дрова. Я подлетел к нему. Нестор! На тебе лица нет. Что случилось? Запыхаясь, я рассказал об Агафье и о деревенщине, которая перестала меня узнавать. Спросил, не видел ли он монашек. У старухи бес в голове, вся деревня об этом знает, не беспокойся, Федор дернул рыжими усами. Монашек не видел. Вот тебе водица из колодца, попей и станет легче. Я сел на скамейку рядом с ним. Вода показалась мне необычайно вкусной, я испил кружку полностью. Оставайся до вечера, Нестор, отдохни.

Поблагодарил Федора за воду и рассказал ему, что никто из деревни не пришел на службу, в том числе и он. Я совсем забыл, ответил он, ведь моя дочь нашлась, это такое счастье! Прости, Нестор, прости. Сейчас я схожу за ней, и мы отправимся с тобой в церковь. Я сказал, что схожу к дому монахини Елены и вернусь.

И ее дома не оказалось. Я вернулся к дому Федора. Он стоял у калитки и держал за руку дочь, как я когда-то свою. Услышал, а вот и Нестор! Его дочь тоже рыжая, с веснушками, как и Федор. Пойдем! И вышли из деревни.

Дальше все как в тумане. В ушах бұхало сердце, очень медленно, я мог сосчитать до пяти между его ударами. Пытался вдохнуть, но что-то зловещее давило на горло. Среди берез и высоких елей мне чудилось, что я тону. Задернул рясу до локтя, мне привиделось, будто что-то ползает под моей кожей.

Меня несло от одного дерева к другому. Прислонившись щекой к кроне, я копил силы, чтобы оттолкнуться руками и хоть сколько-нибудь пройти, а затем прислониться к следующему стволу, чтобы снова собрать все силы. Царапал щеки.

Так, в полном беспамятстве, перебирая ногами, словно марионетку, меня привело к пруду, что гнезвился в лесной низине среди опавших желтых листьев. Через него бросили аркой мост, два шага в ширину. Настасья как-то рассказывала, что в деревне устоялся обычай. Молодожены проходят по нему от начала и до конца взявшись за руки, в знак верности и единобрачия.

С трудом взошел на этот мост, встал на его середине и взялся за перила. Господь видел, как мне плохо. Я видел мир в красных тонах, кожа горела, меня трясло как Агафью прошлой ночью. Утром старушка обезумела полностью, что станет со мной? Хотелось прыгнуть в воду и остудить жар,

но остатки разума уберегли меня осквернить священное место. Благодарю тебя, Господь.

Перегнувшись через перила, смотрел в воду. Мне показалось, что в пруду кто-то есть, подумал это рыба, ведь увидел плавник. Он приподнялся над водяной гладью и помахал. Плавник удлинялся, за ним следовал длинный рыбий хвост и... показалась обладательница этого хвоста. Русалка. Точь-в-точь со страниц сказочных книг. Мне не показалось.

Она лежала на спине, голая, с зеленым плавником вместо ног, а рыжие волосы звездочкой отходили от ее головы по поверхности воды. Увидев наготу отвернулся и отошел, чтобы перевести дух. Из-под моста доносилось: «Нестор!». Раздался всплеск, и я вернулся к перилам. Никого, русалка исчезла.

Небесный отец! Что со мной? Почему мне хочется нырнуть в воду и залечь с русалкой на дно? Меня терзают блудные мысли, избавь меня от них, ведь я твой раб!

Настойчивый и незнакомый голос внутри шипел: «Возлежи с этой русалкой. Она твоя. Ты заслужил».

Видимо в этом пруду и утонул предыдущий священник. Я не повторю его судьбу.

Записывая все это, понимаю, насколько тогда затуманился мой разум. Как такое получилось? Ведь я не ел мухоморов и не притрагивался к вину, а пил только воду Федора. Неужели он что-то мне подмешал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.